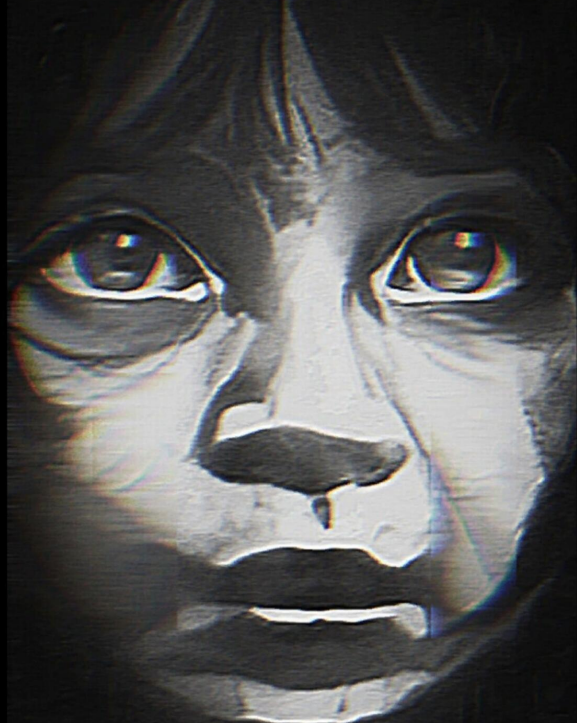

ЕКАТЕРИНА ШИТОВА

ДОМОВУШКА

18+

Екатерина Шитова

Домовушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69224656

SelfPub; 2023

Аннотация

Материнская любовь... Она рождается в сердце женщины в тот миг, когда появляется на свет её дитя. Но какой будет эта любовь если рождённое дитя – плод позора и может сломать молодой матери всю жизнь? Какой будет материнская любовь, когда вместе с ребёнком на свет появляется жуткий страх перед будущим? Любовь тоже будет безусловной, но ребенка в этом случае лучше спрятать подальше от чужих глаз... Жуткая повесть, основанная на реальных событиях.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Екатерина Шитова

Домовушка

Глава 1

...Она не могла пошевелиться. Боль, которая разрывала тело на части еще несколько секунд назад, вдруг стихла и отступила. Она больше не чувствовала ничего. Это были последние мгновения, отведенные ей. Ее будто медленно и плавно накрывало сверху мягкой пеленой боли, сквозь которую не проникали ни звуки, ни запахи, ни свет – ничего.

– Прости меня. Прости... – одними губами произнесла она.

Она знала, что ей нет прощения, но все равно шептала без остановки слова, словно это была ее предсмертная молитва:

– Прости. Прости. Прости

Она вдруг почувствовала под ладонями что-то влажное, теплое. Это была ее кровь, растекшаяся неровной, темной лужей по грязному полу.

Кто был виноват в том, что она уходила из жизни вот так – в муках, лежа на грязном полу?

Она. Только она.

Двенадцать лет назад

Алёна шла по весенней грязи. Ноги вязли в глине, и она с трудом передвигала ими, пытаясь пройти через грязно-рыжее месиво. Весенняя распутица каждый год накрывала деревню в конце марта – по раскисшим дорогам текли бурлящие ручьи, где-то в синей вышине неба кричали прилетевшие из южных краев грачи, а в воздухе пахло прелым навозом и тёплой сладостью.

Алёна любила весну за то приятное предвкушение, которое она рождала в душе, за то, что она прогоняла мрачную, зимнюю тишину серебристым звоном капли и кружила голову звуками и ароматами. Алёна стянула с головы платок, и ветер тут же растрепал её светлые косы. Запрокинув голову, она рассмеялась синему небу и яркому солнцу. Какое счастье – молодость! Какое счастье – жизнь!

Девушка дошла до своего дома, вошла в ограду и вздрогнула от неожиданности, замерев на месте. Мать стояла на крыльце, кутаясь в фуфайку и уже поджидала её. Женщина смотрела на Алёну таким взглядом, как будто сейчас же накинется на неё с кулаками.

Мать Алёны, Фаина, жила одна и была крепка и сильна физически, всю мужскую работу по дому она выполняла сама. Она воспитывала Алёну в строгости и часто била её – и с причиной, и без нее. Но сегодня девушка, взглянув матери в лицо, сама почувствовала себя виноватой. Улыбка сошла с ее губ, но покрасневшие щеки и растрепанные волосы она скрыть не могла.

– Опять с ним гуляла? – точно ядовитая змея, прошипела мать и прищурила глаза, – говорила же я тебе, не гуляй с ним, дура. Он тебя все равно замуж не возьмёт.

Алена подошла к покрасневшей от ярости женщине и болезненно положила ладони на её сгорбленные от тяжелой работы плечи.

– Mam, да пойми ты, Володя любит меня, – тихо проговорила Алена, – Он женится на мне, он пообещал. Оставь уже нас в покое, прошу тебя!

Мать размахнулась и залепила Алёне звонкую пощёчину. Девушка вскрикнула, прижала ладонь к вспыхнувшей огнем щеке.

– Оставить вас в покое? Ах ты, потаскуха! – голос Фаины сорвался на визг, – Володя твой хитер, пронырлив! Он знает, что, в случае чего, тебя защитит будет некому, вот и вольничает. Наверняка, думает, как все, что раз от меня муж ушёл, бросил одну с дитем, значит, и с тобой можно так же не церемониться! Мы для всех здесь с тобой одного поля ягоды.

Алена смотрела на мать ненавидящим взглядом. А Фаина тряслась от гнева, выдавливая сквозь зубы новые и новые оскорбления, изливая на голову дочери всю свою желчь.

– Потискает он тебя, дуру безотказную, за дровенниками, нацелуется, намилуется с тобой, а потом быстренько женится на другой.

– Хватит, мама! Всё не так будет! Не так! – закричала Алё-

на, не в силах больше впитывать в себя материнский яд.

Фаина, стиснув зубы, отошла от дочери, хлюпая высокими калошами по талой воде, а потом все же обернулась и сказала тихо:

– Не хочу потом слезы твои вытирать.

Отвернувшись, сгорбившись ещё сильнее, женщина скрылась в доме, хлопнув дверью.

– Ну, мам... Ну почему ты вечно такая? – шептала Алёна, размазывая по лицу горячие слезы.

Муж ушёл от Фаины внезапно и подло – сбежал, прихватив с собой все, что можно было продать. Он оставил ей лишь записку на столе, в которой корявыми буквами было выведено одно-единственное слово – "прости".

Но Фаина не простила. Она была сиротой, помощи ей ждать было не от кого. Тяжело пришлось одной, с новорожденной дочкой на руках, но Фаина бралась за любую работу, пахала за троих. Выжила, выползла из страшной нищеты без чьей-либо помощи, дочь вырастила. Только все равно всю жизнь слышала смешки и сплетни за своей спиной. Её так и звали в деревне – Фаина Брошенка.

Семнадцать лет прошло с тех пор, а она до сих пор носила обиду в себе и мужчин ненавидела, считала, что все они одинаковые подлецы. И вот теперь, когда её наивная дочка говорила ей о какой-то там любви, ее одолевала злость. Она всю свою жизнь прожила с клеймом бракованной, брошен-

ной, так теперь ещё и Алена пошла по её стопам – сдружилась с парнем, у которого на лбу написано, что он жениться на ней точно не собирается. А если бы и собрался, родители его этого сделать бы не позволили.

Фаина считала, что, раз уж она посвятила всю свою жизнь дочери, то имеет право вмешиваться в её жизнь и направлять на правильный путь. Иначе зачем она её растила? Зачем каждый раз строго отказывала мужчинам, пытающимся проникнуть к ней домой и заночевать с ней?

Нет уж, она все делала ради своей Алены и не даст ей по глупости сломать свою жизнь. Раз Алена не слушается, то Фаина просто запрет её в комнате, и дело с концом. А Володя этот походит-походит под их окнами, да и найдёт себе другую стоворчивую дуру. Так решила Фаина. Но она не знала, какой бурный протест рождает в молодой душе строгий запрет.

Несколько дней просидев взаперти, в четырех стенах маленькой комнатухи, единственное окно которой выходило во внутренний двор, Алёна решилась на побег. Вечером, когда мать, поставив ей тарелку каши, молча вышла и заперла за собой дверь, Алёна накинула на себя две кофты, надела на ноги летние туфли, которые нашла в шкафу, открыла окно и спрыгнула на землю.

Вечер был морозный, весна, как всегда, была переменчива и обманчива. Спрятав озябшие руки в рукава шерстяной

кофты, Алена побежала к дому Володи. Ей повезло – возле дома она встретила его младшего брата. Он странно и подозрительно взглянул на нее после того, как Алена попросила его позвать Володю на улицу, но ничего не сказал и скрылся в доме. К тому времени, как Володя вышел, Алена сильно замерзла. Зубы стучали, и саму ее сильно трясло от холода.

Володя ахнул, увидев девушку, снял с себя фуфайку и, укутав ею Алenu, повел ее в сторону сарая. В сарае было не намного теплее, чем на улице. Забравшись в сухое сено, Володя и Алена прильнули друг к другу.

– Вся заледенела! Надо согреть тебя скорее, – прошептал Володя, нежно глядя Алenu по груди и по округлым бедрам, покрывая поцелуями лицо и шею девушки.

Алена, которая берегла себя до свадьбы, вдруг решила назло матери нарушить свое обещание и отдать здесь и сейчас Володе самое дорогое, что у нее было. Ее душу накрыло каким-то безумным, весенним порывом. Чувства затмили разум. Она любит Володю, а он любит ее. Она верит ему, он не предаст. Пусть мать взбесится от того, что она снова с ним встречалась. Алена еще посмеется ей в лицо, когда Володя придет к ним свататься.

– Постой, – прошептала девушка, когда возлюбленный, тяжело дыша, стал настойчиво задирать ее платье, – скажи, ведь все и вправду будет так, как мы сговорились? Ты меня возьмешь замуж?

Взгляд парня стал напряженным, и Алена покраснела от

стыда, запахнула рукой расстегнутое на груди платье. А потом Володя поспешно воскликнул:

– Конечно, Аленка. Как сговорились, так и будет – в сентябре приду с родней к тебе свататься.

Алена улыбнулась счастливой улыбкой. О большем она даже не мечтала. Володя был красивый, веселый, добрый, и семья у него была хорошая. Не права была ее мама, когда учила не заглядываться на красивых парней.

– Ищи поскромнее, поработящее, – говорила Фаина, – красивые парни уж больно много о себе мнят и в девках сильно роются.

А еще, по мнению матери, парни никогда не женятся на тех, с кем гуляют. Получается, и в этом она не права, ведь Володя женится на ней, он ей пообещал, и она ему верила.

Алена не заметила, как оказалась без платья. Совершенно нагая, она замерла в объятьях Володи, зажмурилась. Ей вдруг стало страшно, ведь у неё это было впервые, но любимый так уверенно улыбнулся, так страстно прошептал на ухо о том, что безумно любит ее, что Алена без раздумий перешагнула через свой страх и, откинувшись на колючее сено, отдалась страсти, которая переполняла Володю с первого дня их знакомства.

Придя домой спустя пару часов после всего случившегося на сеновале, Алена легла в кровать, прижала ладони к животу и ещё долго лежала так, не шевелясь. Она с тревогой при-

слушивалась к новым ощущениям. Нутро болело, а на душе было тяжело и скверно.

Она думала, что в первый раз все будет совсем не так, но в результате из всего происходящего она запомнила лишь пронизывающую боль и то, как сено кололо ее в бока и спину. Алена пыталась сказать об этом Володе, но тот лишь рычал, словно зверь, уткнувшись лицом в её волосы, и с каждым разом все сильнее и сильнее вдавливал её тело в колющее сено. Глухо рыкнув в последний раз, он сначала обмяк, навалившись на Алену всем своим весом, а когда она начала задыхаться от тяжести его тела, перекатился набок, тяжело вздохнув.

Алена думала, что после всего, что между ними случилось, она станет гораздо счастливее и увереннее в том, что Володя и вправду возьмет ее замуж. Но этого почему-то не произошло. Наоборот, тень сомнения сразу же закралась в ее душу. К тому же, ей показалось, что парень как-то небрежно кинул ей одежду. Краснея и смущаясь своей наготы, она долго путалась в рукавах, прежде чем ей удалось натянуть на себя платье и кофты.

– До дома-то дойдешь в своих летних туфлях? – сонным голосом спросил Володя, – а то что-то спать хочется, завтра рано вставать.

Алена молча кивнула и, выйдя из сарая в прохладную весеннюю ночь, пошла к своему дому, спотыкаясь и падая почти на каждом шагу. Что-то сразу же изменилось в поведе-

нии Володи, Алена почувствовала, но боялась об этом думать.

“Наверное, и вправду сильно устал,” – утешала она себя всю дорогу.

Мать не заметила ее побега, и Алене почему-то стало горько от этого. Лучше бы она обо всем узнала, лучше бы выпорола ее, как сидорову козу. Алёна ведь назло ей ушла, а сейчас, получается, что мать об этом даже не знает, и страдает от своего поступка не она, а сама Алена.

Девушка села на кровать, вытерла кончиком одеяла мокрые щеки и прошептала:

– Он женится на мне. Непременно женится. Он хороший. А то, что не проводил – это не беда, это мелочи.

Уснув, она видела во сне поле, тянущееся до самого горизонта. По полю бежал Володя, а она бежала следом за ним. Володя радостно смеялся, оглядывался на Алёну, но у нее никак не получалось догнать его...

После того, что произошло между Алёной и Володиёй на сеновале, прошел месяц. Алёна замечала, что парень избегает ее. Он не звал ее больше тайно убежать в поле, не торопился встретиться с ней взглядом при случайной встрече, не подмигивал игриво исподтишка, как раньше.

– Что же ты, разлюбил меня, что ли? – тоскливо спросила Алёна, кое-как вызвав его на встречу через младшего брата.

– Да что ты, Алёнка? Люблю, как и раньше. Вот только мать с отцом работой загружают, продохнуть некогда.

– А свататься-то придешь? – Алена заглянула парню в глаза.

Но в темно-карем омуте Володиных глаз не было видно его истинных чувств и помыслов. Он улыбался Алене, но она сердцем чувствовала, что что-то изменилось у него внутри, перегорело, что ли. У нее так было однажды, в детстве. Из всех самодельных кукол, сделанных из старых тряпиц, она больше всего любила одну – Василису. Постоянно играла с ней, брала с собой на улицу, укладывала спать рядом. А потом, в один день, Василиса надоела ей. Вот так и тут – была любовь, да вся ушла куда-то.

Любовь, как ручей. Течет, течет, а потом раз – и пересохнет. Любовь, как костер. Горит, горит, а потом раз – и потухнет. Не всегда бывает так, что маленький ручей превращается в полноводную реку, а едва пылающий костер – в огромный пожар.

Неужели она ошиблась, и их с Володей чувства были лишь детской забавой, которая ему быстро надоела? Но ведь она-то любит его по-прежнему, мечтает о свадьбе, об их дальнейшей совместной жизни. У Алены ничего не перегорело, ее девичье сердце по-прежнему пылало любовью. Но после того, что произошло между ней и Володей на сеновале, она как будто ослабела от этой любви. Раньше Володя не мог без нее, нуждался в ней, а теперь она нуждалась в нем, как в воздухе.

Шли дни. Из дома Алена больше не сбегала, с матерью не спорила – не было повода. Володя перестал бегать за ней, поэтому она сидела дома с тоскливым видом. Фаина догадывалась о причинах грусти дочери, но ни о чем ее не спрашивала.

А потом Алена поняла, что беременна и сильно испугалась. Подкараулив Володю на конюшне, где он часто бывал по вечерам, она снова сама напросилась на разговор с ним.

– Как это беременна? У нас ведь всего-то один раз было! – удивленно воскликнул парень, – Один раз не считается!

Такой растерянности и страха на его лице Алена никогда прежде не видела. Володя всегда был веселый и смелый, даже дерзкий. А теперь он не на шутку испугался. Кого испугался? Ее? Их будущего ребенка?

– Ты ведь все равно в сентябре хотел идти ко мне свататься, Володечка, – ласково сказала Алена, – давай не будем ждать до сентября. Давай сейчас поженимся, пока живот не начал расти. Тогда никто и не поймет ничего.

Володя побледнел, отпрянул от Алены, схватился за голову и принялся ходить по конюшне из угла в угол. Алену мутило от едкого запаха конского навоза, ее сейчас от всего мутило, но она терпела, ждала, что ответит ей любимый.

– Что же ты, Володечка, молчишь? – испуганно спросила Алена.

Настала ее очередь волноваться. Вид у парня был стран-

ный, она смотрела на него и не узнавала своего веселого, дерзкого шутника, с которым они целовались и гуляли за руку всю зиму и весну. Но потом вдруг Володя сказал:

– Хорошо, Аленка. Расскажу все своим родителям и приду свататься. Жди!

Он подошел к Алене и нежно поцеловал ее в губы, а потом подтолкнул к дверям конюшни.

– Когда же именно ты придешь? – спросила она перед тем, как выйти на улицу.

– Скоро! – весело ответил Володя и мягко вытолкнул ее на улицу.

Оказавшись на свежем воздухе, Алена, наконец-то, вдохнула полной грудью. Голова закружилась, и, чтобы удержаться на ногах, она схватилась за забор. Около нее прошли двое парней-конюхов. Взглянув на Алену, парни засвистели и загоготали. Она отвернулась, сгорая от стыда, а потом накинула платок на голову и быстро пошла от конюшни по дороге, ведущей в деревню.

– Придет, не придет. Придет, не придет, – шептала Алена, один за другим обрывая лепестки с ромашки.

Она гадала так уже несколько дней подряд, но ромашки вращали, и сваты так и не шли. А Алена ждала – каждое утро прихорашивалась, надевала нарядное платье, прибирала их маленький, убогий дом и пекла свежий хлеб. Пусть они живут скромно, но хлеб-соль для дорогих гостей у них всегда

найдется.

Когда же, спустя несколько недель ожидания, Алена поняла, что Володя с родителями к ней не придет, она пришла в растрепанных чувствах к дому обманщика и без страха постучала в окно. В окне тут же показалась Клавдия, Володина мать, и пока Алена ждала ее, у нее тряслись колени от волнения.

Клавдия не вышла на улицу. Торопливо оглянувшись по сторонам, переживая о том, что кто-то их увидит, она поманила Алену в сени. А когда девушка зашла, женщина, не говоря ни слова, схватила ее за косы и стала трепать, как провинившуюся собачонку. Алена, не ожидая такой встречи, сначала не сопротивлялась, но, когда ей стало казаться, что Клавдия сейчас выдерет ей все волосы, она закричала и схватила ее за руки.

– Что вы делаете? Перестаньте!

Клавдия, не выпуская из рук волос девушки, прошипела ей в ухо:

– Я все знаю про вас с Володей. Он мне рассказал. Вот только я не позволю какой-то там оборванке ломать жизнь моему сыну.

Она оттолкнула Алёну, та упала на пол, ударившись о стену.

– Исчезни! Сгинь, мерзавка! – зло прошептала Клавдия.

Лицо женщины, искаженное яростью и налившееся пунцово-красной, испугало Алёну, и из ее глаз брызнули слезы.

– Клавдия Ильинична, мы же любим друг друга! – взмолилась Алёна, – Володя хочет жениться на мне.

– Ничего Володя не хочет. Он сам мне так сказал. Это ты за ним бегаешь, проходу не даёшь.

– Володя любит меня, Клавдия Ильинична! – тихо возразила Алёна.

– Да какая-токая любовь? – Клавдия прищурилась и неприятно ухмыльнулась.

– Сильная, – выдохнула Алёна, – самая настоящая любовь.

– Ох и дуреха ты, Алёна! Мать твоя непутевая, и ты такая же выросла дуреха, – женщина выплюнула эти слова Алёне в лицо и сжала зубы, – не любовь это, а блуд.

Алена опустила голову, из глаз на платье капнули крупные слезы. Волосы выбились из кос и торчали в разные стороны. Вид у Алёны был, как у побитой собачонки – жалкий.

– Значит, не придёт Володя ко мне свататься? – в голосе её прозвучала такая боль, как будто сердце её в эту минуту разрывалось на куски и истекало кровью.

– И не собирался. А если бы и собирался, я бы этого не допустила. Пропади из его жизни, исчезни. По-хорошему прошу, – неожиданно тихо и спокойно сказала Клавдия.

– Но я в положении, Клавдия Ильинична! – с трудом выговорила Алёна и не выдержала, разрыдалась.

– И ты думаешь, я поверю, что этот ребёнок Володи? Ты, может, ещё с кем по сараям шляешься! – с презрением в го-

лосе сказала женщина.

Алена побледнела, перестала всхлипывать и истерично икнула. Руки ее тряслись, ноги подкашивались. Ещё немного, и она свалится прямо тут без чувств. Клавдия властно схватила её за локоть и подвела к двери.

– Это твой позор, Алена. Твой и больше ничей! – сказав это, она вытолкала девушку на улицу и заперла за ней дверь.

На ватных ногах Алена кое-как дошла до дома. И едва перешагнув порог, повалилась на пол без чувств.

Небо раскинулось над землей синим куполом. Землю грело горячими лучами солнце. Травы и цветы пахли, ветер ласково касался их тонких стеблей, разносил повсюду аромат разнотравья. Лето летело над деревней, заставляло людей трудиться от рассвета до заката, чтобы обеспечить сытую зиму. Лето опаляло кожу трудящихся темно-коричневым загаром.

Наступил долгожданный сенокос. Сенокос всегда ждали, как праздник. Молодые парни высматривали во время работы красивых, здоровых, работающих девок, а девки присматривались к парням, краснея от их подмигиваний. Володя и Алёна тоже работали на сенокосе, но они даже не смотрели друг на друга.

После разговора с матерью Володи, Алена больше не встречалась с парнем и даже не видела его. Она тосковала по нему, сердце ее трепетало от воспоминаний об их встречах,

разговорах, о первых признаниях в любви друг другу. Алена долго не могла осознать, что вся их любовь рухнула в один миг, и теперь Володя даже знать ее не хочет. И что самое ужасное – никому не нужен был ребенок, что рос в ее чреве. Никому, даже ей самой...

Ребенок мешал Алене – ее от всего тошнило и постоянно кружилась голова. Она стала хуже работать, мать ругала ее, а однажды даже побила за то, что она не наносила в баню воды. Про свое положение Алена сказать ей не решалась, думала, что та ее и вовсе убьет, если узнает. Хотя... Может, так было бы даже лучше?

Увидев Володю на сенокосе – красивого, высокого, в нарядной белой рубашке, распахнутой на широкой груди, Алена покраснела. Сердце ее неистово забилося в груди, дыхание перехватило от волнения. Но он взглянул на нее лишь мельком, как на незнакомую, и внутри у Алены тут же все оборвалось, полетело вниз со страшной скоростью, а потом упало и разбилось. Она как будто сама упала на камни и разбилась на куски – так ей было больно.

Позже, во время работы, Алена узнала от подруг, что Володя уже посватался к другой – к Наталье, дочке ветеринара, скромной и тихой девушке.

– Тебе, Аленька, наверное, обидно, что такой завидный жених у тебя из-под носа ушел? – спросила одна из подруг, и девушки дружно посмотрели на Алenu.

Она не подала вида, что страдает, наоборот, широко улыб-

нула и ответила:

– Да ну, было бы из-за чего расстраиваться! Других вон полно!

На сенокосе на Алену и вправду засматривались другие парни, но она не отвечала на их взгляды, не замечала улыбок и игривых подмигиваний. Ей было не до этого. Сердце ее болело, безутешно страдало, истекало кровью. Алена с трудом выдержала две недели сенокоса, каждый день скрывала свои истинные чувства от всех. Она глотала обиду и горькие слезы, фальшиво растягивая губы в беспечной улыбке. Домой она вернулась измученная и уставшая. А тут еще и мать решила окончательно “добить” ее.

– Слышала, что жених-то твой на другой девушке женится! – язвительно сказала она за обедом.

Алена подняла на нее усталые глаза и ничего не ответила.

– Получается, зря ты с ним по задворкам обжималась? Больше мне про любовь кричала, чем этой самой любви на самом деле было. Налюбила, как кошка ступила! Ох, дура ты, дура!

Мать поднялась из-за стола и с грохотом поставила пустую чашку на буфет. Алена ела кашу, не поднимая головы от тарелки, стараясь удержать набежавшие слезы, но они капали крупными солеными каплями в постную кашу.

– Впредь будешь умнее! – не унималась мать, – может, не станешь больше вести себя, как прошмондовка!

– Мама! – закричала Алена, – я и так уже все поняла! Я и

так мучаюсь! Пожалуйста, не мучай меня еще сильнее.

Слезы брызнули из глаз Алены, она выскочила из кухни и скрылась в комнатке, откуда еще долго потом доносились ее сдавленные рыдания.

– Вот и реви! Будешь знать, как мать не слушаться! – прокричала ей вслед Фаина.

К осени у Алены стал расти живот, а она до сих пор не знала, что ей делать, и как сказать матери о своем положении. Как только она начинала думать об этом, мысли разбегались, и она впадала в полнейшую растерянность. Поэтому Алена гнала от себя думы о ребенке, но на душе у нее постоянно лежал тяжелый камень, который она повсюду носила с собой.

И вот, в солнечный и слегка морозный октябрьский день, Алена, не сказавшись матери, пошла в лес, в ту сторону, где жила в землянке старая ведьма Кукулиха.

Кукулиха не любила людей, поэтому и жила так далеко от них. Но тех, кто к ней приходил за помощью, не прогоняла, наоборот, помогала – кому травы целебные даст, кому на соль пошепчет, кому самогон заговорит так, что он мимо рта полетит.

Увидев незваную гостью, замершую в нерешительности между деревьями, Кукулиха не спеша подбросила дров в костер, а потом указала корявым пальцем на пень, стоящий рядом с ней. Алена неуверенно поприветствовала старуху, по-

дошла к костру и присела на пень. Кукулиха внимательно посмотрела на Алену маленькими черными глазками, прищурилась и проговорила скрипучим голосом:

– Не за добрым делом ты сюда пришла, девка!

Алена опустила глаза, покраснела и кивнула.

– Чего надобно?

– Помощь мне твоя нужна, бабушка Кукулиха, – сказала Алена и сжала кулаки, пытаясь хоть как-то поддержать саму себя, – от ребенка я избавиться хочу.

В этот момент в костре громко треснуло горящее полено, и в воздух взлетели маленькие оранжевые искорки. Алена вздрогнула, обхватила себя руками от страха. А Кукулиха, кряхтя, поднялась со своего пня и заковыляла к землянке.

– Ну что ж, пойдем, коли так решила...

Алена встала и с тяжелым сердцем побрела за ведьмой к низкой, почерневшей от времени, бревенчатой землянке...

Глава 2

– Ребёнок жить просится, – прохрипела Кукулиха, – не каждый так сильно жить хочет, как эта девочка, которую ты носишь в своей утробе!

Алена лежала на низкой лавке, на грязном, вонючем тряпье, на котором, судя по всему, спала сама старуха.

Ее мутило от затхлого, кислого духа, царящего внутри землянки. Комок из страха и волнения подступил к горлу и не давал дышать. Алёна размазала по щекам горячие слезы. Кукулиха прижала свою ладонь к округлившемуся животу, и Алёна почувствовала толчок внутри – это ребёнок впервые пошевелился, пнул ее в бок маленькой ножкой.

– Чувствуешь, сколько жизни внутри носишь? – старуха вдруг улыбнулась, оголив редкие черные зубы.

Алена ничего не ответила, а на лице ведьмы застыло странное, умиротворенное, почти счастливое выражение.

– Меня парень обманул. Жениться обещал, да не женился, – через силу выдавила из себя Алена, – а мать, если узнает о бремени, выгонит или убьёт. Мне некуда идти.

Старуха понимающе покачала головой, погладила морщинистой рукой Алену по волосам.

– Боишься? – спросила она, – Чую, что боишься. Но это твоя дорога, девка. Ухабистая, трудная, но твоя. Ступай без страха и иди. Мать тебя на другой путь потянет, но ты там

счастья не отыщешь. Послушай, что я говорю. Настрадаешься только.

– Нет, бабушка Кукулиха, я матери ни за что не признаюсь. Стыдно. Не отговаривай, я уже все решила, – сказала Алена, смотря в стену перед собой.

Ведьма нахмурилась, покачала головой. Потом согнула ноги Алены в коленях и резким движением подняла ее платье. Лицо её стало хмурым.

– Я тебе сейчас траву ядовитую положу прямо туда. Пойдешь домой, вечером, как положено, ложись спать. Живот ночью прихватит – терпи. Утром все, что выйдет из тебя – брось в печь и сожги с молитвой.

Алена сжала зубы от боли. А когда старуха закончила и одернула ее платье, она встала и, поблагодарив ее, вышла на улицу. После потемок убогой землянки, яркое солнце ослепило девушку. Она зажмурилась, и внезапно увидела перед глазами образ младенца в небе.

– Ох, бабы-бабы, вечно вы своими грехами мне руки мараете! – тихо бубнила себе под нос вышедшая следом за Аленой ведьма.

Алена сделала вид, что не услышала ее слов, опустила голову и быстро пошла прочь от землянки.

Алена проснулась среди ночи от жуткой боли внизу живота. Кукулиха говорила, что будет больно, но Алёна не думала, что боль будет настолько сильной, такой, что невозмож-

но будет её терпеть. Сначала, при каждом новом приступе, она до хруста сжимала зубы, впивалась пальцами в тонкий соломенный матрас. Потом, когда боль стала совсем невыносимой, Алена, пыхтя и охая, стала рвать зубами подушку, кусала до крови собственные руки. Другая боль немного отвлекала от той, что разрывала её внутренности.

Алена металась по кровати, взмокая от пота, ничего не соображающая от боли. На рассвете боль стала такой сильной, что Алена, не понимая больше где она находится, и что происходит, взвыла на весь дом.

От крика дочери Фаина проснулась, села на кровати и непонимающе уставилась в окно, за которым едва брезжил рассвет.

– Приснилось что ли? – сонно проворчала она и снова легла, подложив под голову подушку.

Когда очередной душераздирающий вопль донёсся до её ушей, она подскочила и побежала в комнату дочери.

– Что же это такое? – выдохнула она, выпучив глаза от увиденного.

Алена лежала на полу без чувств. Простыня, стянутая на пол, светлая сорочка девушки – все было в крови.

– Алёна! Алёна! – взволнованно закричала Фаина и принялась бить дочь по щекам, но та не приходила в чувство.

Тогда женщина поднялась с пола, выскочила в сени, накинула поверх ночнушки халат и со всех ног побежала в лес, к ведьме Кукулихе. На деревенского фельдшера надежды не

было, слишком молод он был, а Кукулиха – лекарка проверенная, она ещё не такое на своём веку повидала, поможет.

Кукулиха долго возилась с Алёной, но кровотечение остановила. Потом она взглянула на Фаину, которая все это время сидела возле кровати с бледным, напряженным лицом.

– Кровь остановилась. Жить будет.

– Слава богу! – выдохнула женщина, наклонилась к дочери и поцеловала её в лоб.

Кукулиха пошла на кухню мыть руки, а Фаина в это время перевернула под Алёной простыни и накрыла ее, спящую, одеялом.

– А что с ней такое случилось, Кукулиха? Что за напасть такая? – спросила женщина у старухи.

Ведьма как будто опешила от ее вопроса.

– Я думала, ты по просьбе Алёны ко мне за помощью пришла, – тихо ответила она, – а ты, вон как, не ведаешь ничего про свою дочку.

Фаина вопросительно взглянула в лицо Кукулихе и нахмурилась.

– А ну, Кукулиха, рассказывай все, что знаешь об Алёнке! Иначе я тебя отсюда не выпущу!

Женщина уперла руки в бока, широко расставила ноги, давая понять собеседнице, что ей не уйти от ответа. Кукулиха тяжело опустилась на табурет и заговорила, глядя на бледное лицо Алёны.

– Была она вчера у меня в лесу.

– У тебя в лесу? – удивлённо воскликнула Фаина, – Когда успела?

Кукулиха пожала плечами, и Фаина воскликнула, всплеснув руками:

– Зачем же она к тебе приходила? Уж не за приворотным ли зельем?

– За другим приходила, – ответила Кукулиха и перевела взгляд на Фаину, – за травой, которая от бремени избавляет.

– Что? От какого-такого бремени? – голос Фаины прозвучал глухо.

– На сносях она, вот что, – повторила старуха.

Она откинула одеяло и, задрав Аленину сорочку, показала Фаине округлившийся живот.

Мать замерла напротив дочери, потрогала рукой ее живот, а потом отдернула руку и стала нервно ходить из угла в угол. Лицо её покрылось алой краской, глаза злобно засверкали. Она подошла к Алене, занесла над её головой кулак и затрясла им в воздухе.

– Убью! Убью! Дура! – яростно прошептала она.

– Она так про тебя и говорила, – кивнула головой Кукулиха, – что убьёшь, коли узнаешь. Запугала ты ее, Фаина.

– Мерзавка! Потаскуха! – выплевывала все новые и новые оскорбления разъяренная женщина.

Кукулиха встала и заковыляла к выходу.

– Пойду-ка я, теперь уж и без меня разберетесь, – сказала

она.

– Стой! – строго крикнула ей вслед Фаина.

Старуха обернулась, спокойно взглянула в распухшее от ярости лицо женщины.

– Убралось бремя-то? – гораздо тише спросила она, показывая пальцем на живот Алены.

– Нет. Не вышел ребёнок.

– Как не вышел? Столько крови из нее вытекло! – возмутилась Фаина, – а он не вышел?

– Сильное дитя твоя дочь носит в своём чреве, очень оно жить хочет.

– Хочет, да перехочет! – заорала Фаина, – доделывай, Кукулиха, свою работу. Выгоняй из Аленки дитя. А коли не выгонишь, я в тебя зубами вцеплюсь и из тебя твою душонку поганую выгоню!

Старуха склонила голову набок, покачала головой.

– А хоть и выгони, попробуй! Я бы уже и рада побыстрее на тот свет сгинуть, да только никто из меня душонку-то не может выгнать.

Фаина раскрыла рот, но ничего не сказала. И вскоре опухшие губы женщины искривились в страшной гримасе, она взмахнула руками и завыла: громко, страшно, пронзительно.

– Я сама выгоню! Своими руками выгоню этого выродка!

Кукулиха покачала головой, взяла с пола свою корзинку с травами и снадобьями и вышла из дома.

– На вот, повяжись. Если потуже затянешь, под платьем ничего не видно будет.

Фаина положила перед дочерью широкую полосу старой замызганной ткани.

– Пока можно скрыть, будешь работать, а как пузо на лоб полезет, скажем, что захворала, отсидишься дома. Работать пойдешь сразу, как родишь.

– Мам, а с ребенком-то чего будем делать? – тихо спросила Алёна, снимая сарафан и послушно оборачивая ткань вокруг живота.

– Не знаю еще, – нехотя ответила Фаина, помогая затянуть ткань потуже, – подкинем, может, кому или в лес унесем... Не себе же его оставлять!

Алена закивала головой. Ей хотелось, чтобы мать поняла, что она теперь готова во всем ее слушаться, только бы она не гнала ее из дома. Куда ей идти?

– Мам, а рожать больно? – снова спросила Алена, заглядывая матери в глаза.

– Больно, – ответила мать, – так больно будет, что на стенку полезешь. Но тебе полезно – хоть так получишь расплату за свои грехи.

– А ты позовешь Кукулиху, когда роды начнутся?

Мать нахмурилась, зло зыркнула на Алёну.

– Сами как-нибудь управимся без этой старой шарлатанки. Все, отстань, Аленка, и иди уже ешь. На работу пора.

Алена вздрогнула от ее окрика и пошла на кухню. Повязка

давила на живот, сидеть было невозможно, но другого выхода не было, приходилось терпеть эти ужасные неудобства.

Прошло уже три недели с тех пор, как мать обо всем узнала. Когда Алёна очнулась после кровотечения, мать сидела возле неё подозрительно тихая и спокойная, только волосы ее были не убраны, а торчали в разные стороны растрепанными прядями. Но увидев, что Алёна открыла глаза, она медленно поднялась, и лицо ее сразу же исказила гримаса злобы и ненависти.

– Ну что, потаскуха, нагуляла все-таки за сараями выродка? – прошипела мать ей в лицо, и Алёна вздрогнула от страха, – где же твой хваленый женишок? Слинял? К свадьбе с другой девкой готовится? Конечно! Та, небось, не дается за сараями кому попало!

Алена покраснела от жгучего стыда, прижалась к стене. Голова кружилась, к горлу подступала тошнота. Ей хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть с лица земли. А мать все ругалась, переходя на крик.

– Вот теперь и живи с этим. Не помогли травы Кукулихи, не вышел из тебя ребёнок. Лучше бы ты подохла, тварь окаянная!

– Как не вышел? – Алена коснулась рукой живота, и ребёнок толкнул ее, оповещая о том, что жив.

– Вот так! Раньше надо было все это делать, дура ты пустолюбая!

Слова матери больно ранили Алёну, но сильнее боли был

страх, сковавший все её тело. Она лежала на кровати – измученная и бледная, и тряслась мелкой дрожью.

– Прости, мам! Я и вправду дура. Как и жить теперь не знаю... – сквозь слезы выговорила Алёна.

Фаина размахнулась и залепила дочери звонкую пощечину. А потом схватила её за волосы и, стащив с кровати, начала пинать изо всех сил. Алена рыдала, закрывая голову руками, а когда мать устала и, тяжело дыша, отошла от нее, она вдруг почувствовала облегчение. Ей стало легче от того, что мать, наконец-то, обо всем узнала, что теперь не одной ей нести эту невыносимо тяжелую ношу.

– Слушай сюда, паскудница, – тихо сказала мать перед тем, как выйти из комнаты, – с этой минуты ты во всем будешь слушаться меня. Кончилась твоя воля вольная. Хочешь иметь шанс жить нормально, будешь делать все так, как я тебе скажу. Одна провинность, и я выгоню тебя, пузатую, из дома. Не шучу! Выгоню, еще и палкой поколочу. И пусть тебя в деревне закидают камнями, втопчут в грязь, в лес с твоим выродком прогонят. Мне тебя не жалко будет.

Фаина замолчала, и в комнате повисла тишина – тяжелая, как мешки картошки, которые Алена таскала в холодную яму по осени. А потом мать рывкнула так, что девушка подскочила на кровати.

– Поняла меня?

– Поняла, – прошептала Алена и закрыла глаза, опустила голову.

С той самой минуты она ни разу не посмела поспорить с матерью, ни разу не высказала того, что думает и чего хочет. Стержень внутри Алены, который и так-то был хрупок и тонок, под тяжестью стыда и вины, взял и переломился, и все ее нутро превратилось в кисель – жидкий, податливый и безвольный. Теперь всей ее жизнью управляла свирепая и беспощадная мать. И Алена смирилась. Другого пути для себя она все равно не видела.

– Что же за напасть такая случилась с твоей Аленушкой? Уже месяц как поправиться не может, из дома, бедная девочка, не выходит! – скорбным голосом проговорила соседка.

– Ох, не знаю, Марья Филипповна, – наигранно печально вздохнула в ответ Фаина, – на врачей надежды нет. Кукулиха к нам ходит, лечит ее. Да к тому же, такие морозы страшные стоят! Может, зима на спад пойдёт, дак и ей, горемычной, полегче станет!

– Ох, как и жить-то, когда такие молодые так сильно хворают, – всхлипнула соседка, – а зима-то нынче и вправду лютая!

– Ох, да ничего не говори, Марья Филипповна! – притворно сокрушалась Фаина в ответ.

Алена прислушивалась к разговору, сидя у печи в своей комнатушке. Хоть какое-то развлечение – подслушивать скучные разговоры матери и соседки. Всё лучше, чем без конца прядь пряжу, которую ей приносила мать.

Однажды Алене надоело прясть, она взяла спицы и связала из мягкой овечьей шерсти маленькие носочки. Она смотрела на них и умилялась. Ей даже захотелось, чтобы ее дитя поскорее появилось на свет, и она смогла бы примерить ему эти крохотные игрушечные носочки. После носочков Алена начала вязать детскую кофточку, так ее увлек сам процесс.

Но когда Фаина увидела, чем занимается дочь, она покраснела от ярости и, тяжело дыша, схватила носочки и недовязанную кофточку и бросила все в печь.

– Мама, ты чего делаешь? – закричала Алена.

Женщина подошла и принялась хлестать ее по лицу. Потом схватила за волосы и стукнула головой о стену.

– Дура пустолобая! Ты соображаешь ли, что делаешь?

Алена сидела на полу и, раскачиваясь, прижимала руки к ушибленному месту. В голове от удара стучали сотни молотков.

– Прости, я не думала, что это тебя так разозлит! – слабо всхлипнула Алена.

– Мы твоего выродка унесем сразу, как только он родится. Зачем ты тратишь шерсть и вяжешь эту одежду?

Алена убрала руки от лица и посмотрела на мать большими глазами, наполненными тоской.

– Не знаю, – выдохнула она, – можно было бы положить все это вместе с ним в одеяльце.

Мать зло схватила деревянные спицы и одним движением переломила их пополам.

– Хочешь, чтоб тебя камнями закидали? Наши люди это умеют! Спроси-ка вон у своей Кукулихи. Лечила она одну такую, опозоренную... – тихо и зловеще проговорила Фаина, – Лечила, да не вылечила! Также хочешь?

– Нет, мама, я так не хочу, – заплакала Алена.

– Тогда делай то, что я тебе велю. Вот кудель, вот прялка – садись и пряди. Может, твой выродок от этого пуповиной обмотается. Если пуповина шею хорошенько сожмет, тогда и нам грех на душу не придется брать.

Женщина вышла из комнаты, а Алена села на лавку, поставила возле себя прялку, взяла в руки веретено и принялась прядь. По лицу ее без остановки текли горячие слезы. Ей впервые стало жаль своего еще нерожденного ребенка.

Приближался день родов, и Алёна все чаще волновалась. Живот вырос такой большой, что, казалось, кожа на нем вот-вот лопнет. Спать было неудобно, спину невыносимо ломило и постоянно хотелось есть.

Алёна старалась не думать о том, что будет после того, как ребенок родится. Мать дала ей понять, что она сумеет от него избавиться. Но когда ребёнок пинал её ножкой под ребра, у Алены трепетно екало сердце. Она стыдилась этого и гнала от себя нежные чувства. Этот ребёнок – ошибка, он не заслуживает любви, он может испортить ей жизнь. Так говорила мать, и Алёна послушно соглашалась с ней.

В один из зимних дней Алена, как обычно, прядла у окна.

В небольшие просветы между ледяными узорами было видно, как из труб домов дым поднимается кверху. Алена давно не была на улице, и ей очень хотелось выйти, вдохнуть полной грудью морозный воздух и почувствовать аромат печного дыма, которым пахла деревня зимой.

Устав пряхь, Алена отодвинула в сторону прялку, встала, потянулась, разминая затекшую от долгого сидения спину и почувствовала ноющую боль внизу живота. Она заволновалась, но попыталась успокоиться. Живот в последнее время часто болел, но роды все не начинались. Может и теперь пронесет.

Алёна подошла к окну, сплошь покрытому причудливыми ледяными узорами, и стала водить по шершавым изогнутым завиткам пальцами, прислушиваясь к собственным ощущениям. Внезапно она услышала странный звук – как будто что-то лопнуло внутри, и сразу же по ее ногам потекла тёплая жидкость. Алёна в растерянности смотрела на прозрачную лужицу, быстро растекающуюся по полу, думая, чем ее затереть. Вскоре острая режущая боль пронзила низ живота. Алёна всхлипнула, задержав дыхание, а когда боль отступила, она вздохнула с облегчением. Но через несколько минут боль снова вернулась, только в этот раз она была сильнее.

Алена, схватившись за живот, подошла к двери и прислушалась – мать снова была на кухне с соседкой, и они о чем-то разговаривали. Выйти она не могла. Очередная схватка заставила Алёну упасть на колени. Падая она задела рукой

табурет, стоящий у кровати, и он с грохотом упал на пол. Мать прервала разговор, подошла к двери и, приоткрыв её, осторожно заглянула внутрь. Увидев Алёну, бледную, стоящую на четвереньках на полу, она быстро сообразила, в чем дело, обернулась к соседке и проговорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.